

В.А. МАРТИНОВИЧ

¹ Минская духовная академия.
220030, Республика Беларусь, Минск, ул. Зыбицкая, д. 27.

АНТИСЕКТАНТСКИЙ ДИСКУРС ПЕЧАТНЫХ СМИ: ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ РОЛИ АНТИКУЛЬТОВОГО ДВИЖЕНИЯ

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу антисектантского дискурса в Республике Беларусь 1996–2000 гг. в исполнении его двух наиболее значимых субъектов: печатных СМИ и антикультового движения. Специфика освещения темы новых религиозных движений обоими акторами исследуется методом стандартизованного опроса текста на выборке в 521 антисектантскую статью из 57 белорусских газет. Выявляется диапазон вариативности религиозных организаций, относимых к числу новых религиозных движений, анализируется их распределение по типу структуры, в том числе в сравнении с предполагаемой генеральной совокупностью новых религий Республики Беларусь. Устанавливается частотность их упоминаний, а также группа организаций, критикуемых акторами, но никогда не действовавших в стране. Выявляются диапазон вариативности и частотность использования специальной терминологии. Анализируется влияние антисектантского дискурса на изменение оценочных коннотаций специальных терминов. Разбираются факты из истории и современной практики антикультового движения, имеющие особое значение для понимания специфики отношения его представителей к неспециализированным печатным СМИ. Отмечаются амбивалентный характер освещения темы новых религий в прессе и его влияние на антикультовое движение. Особое внимание уделяется прояснению места и роли печатных СМИ и антикультового движения в системе антисектантского дискурса общества. На основании полученных данных подвергается критике доминирующая в науке концепция одностороннего влияния антикультового движения на печатные СМИ. Предлагается альтернативная гипотеза комплексного генезиса антисектантского дискурса, при котором на формирование его специфики у каждого субъекта влияет множество разных факторов. Выявляются две методологические проблемы, связанные с поиском и фиксацией материалов, релевантных для анализа этого дискурса и проверки данной концепции.

Ключевые слова: новые религиозные движения; СМИ; антикультовое движение; антисектантский дискурс; идентификация НРД.

Для цитирования: *Мartiнович В.А.* Антисектантский дискурс печатных СМИ: проблематизация роли антикультового движения // Социологический журнал. 2021. Том 27. № 2. С. 109–125. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8089

СМИ регулярно обращаются к теме новых религиозных движений (НРД). Создаваемый ими образ НРД во многом искажает как учение и практики отдельных религиозных организаций, так и данные науки об устройстве и функционировании нетрадиционной религиозности в целом. Помимо естественной склонности СМИ к негативно-сенсационным материалам, в числе основных источников искажений учеными представляются сектоведы антикультового движения, занимающиеся борьбой с НРД (А. Шэффлер [12, с. 39–40], Дж. Бэкфорд [6], Дж. Ричардсон [11], С. Райт [14], Э. Арвэк [5, с. 57], Б. Перссон [2, с. 65–70] и др.). Выводы об особом влиянии антикультового движения делаются на основании анализа статей, опубликованных при непосредственном содействии его представителей. Им отводится роль идеологического фильтра между реальностью НРД и прессой. Справедливо отмечается, что далеко не все представители антикультовой школы имели непосредственный контакт с НРД, но часто они опираются только на литературу, слухи и свидетельства бывших членов. В результате антисектантские статьи в СМИ представляются реакцией на реакцию редко второго, чаще третьего и четвертого уровней. Косвенное подтверждение видится в вере ряда представителей антикультового движения в собственное серьезное влияние на прессу, а также в открытом позиционировании ими СМИ в качестве важнейшего инструмента профилактики сектантства в обществе.

Данная концепция упрощает проблематику антисектантских материалов в СМИ. Внешнего сходства антисектантского дискурса СМИ и антикультового движения, а также контактов между ними еще недостаточно для такого заключения. Так, в среде сектоведов несложно найти примеры критики СМИ по причине некорректного освещения темы НРД [12]. Инициатива подготовки антисектантских материалов может исходить от редакции и журналистов¹, ученых [4], традиционных религий², органов госуправления³, отдельных политиков [13, с. 505–509], от населения в целом [7]. Предшествующие исследования доказали влияние не антикультового движения на печатные СМИ, но некоторых сектоведов на отдельных журналистов в освещении ими конкретных случаев с НРД.

¹ См., например: Sir David English // FAIR News. 1998. Summer. P. 20.

² Evangelische Kirche Deutschland an Redaktionen von Tageszeitungen, Wochenblättern usw. Den 12. Februar 1976. Az.: 5630/2.62. 2 S. (архив автора).

³ Deutscher Bundestag. 121. Sitzung, den 1. Dezember 1978. Bonn: Deutscher Bundestag, 1978. S. 9387–9464.

Вместе с тем анализ проблематики антисектантского дискурса имеет основополагающее значение при изучении реакций общества на активно протекающий процесс дифференциации религиозного пространства в XX–XXI вв. Углубленный анализ масштабов и форм приобщения к антисектантскому дискурсу разных институтов общества, а также их влияния друг на друга является одним из важных этапов при разработке данного проблемного поля. В настоящей статье предпринимается попытка анализа концепции влияния антикультового движения на печатные СМИ с опорой на исследование материалов двух крупнейших носителей антисектантского дискурса Республики Беларусь: неспециализированных печатных СМИ и специализированных сектоведческих СМИ антикультового движения.

Исследование антисектантских материалов печатных СМИ

Специализированные сектоведческие СМИ

На 1 января 2021 г. автору известно 211 наименований специализированных газет и журналов, посвященных проблематике НРД и издающихся в 32 странах. Не менее 80 из них принадлежат к антикультовому движению. Антикультовая пресса:

- а) постоянно обращается к теме НРД;
- б) освещает тему строго в соответствии с идейным рядом антикультового движения;
- в) устойчива в трансляции негативного образа НРД;
- г) мало подвержена внешним идеологическим влияниям.

Сектоведы, являющиеся авторами статей в антикультовых СМИ, работают и с обычной прессой. Однако в антикультовых изданиях они практически не связаны какими-либо ограничениями в выражении своей позиции, в то время как в остальной прессе они такой возможности не имеют. Специализированные СМИ показывают, как сектоведы антикультового движения видят феномен сектантства на самом деле, без многочисленных редакционных фильтров и искажений неспециализированной прессы.

С 1996 по 2000 г. включительно в Минске выходило первое на постсоветском пространстве специализированное периодическое издание, посвященное проблематике НРД, — газета «Личность». Издателем являлось Республиканское общественное правозащитное объединение «ОЗОН» — самая активная организация антикультового движения Республики Беларусь середины 1990-х — начала 2000-х гг. В рамках работы по «преодолению негативного влияния сектантства» «ОЗОН» проводило информационно-просветительские мероприятия и конференции, взаимодействовало с органами государственного управления, учеными, общественными организациями, журналистами, пыталось инициировать ужесточение законодательства в области регулирования деятельности НРД.

Газета «Личность» распространялась по подписке и через киоски «Союзпечати», ориентировалась на максимально широкую целевую

аудиторию. В качестве авторов привлекались белорусские сектоведы. Всего вышло 55 номеров газеты форматом А3 по 8 страниц каждый (1996 г. — 8 номеров, 1997 г. — 17, 1998 г. — 17, 1999 г. — 7, 2000 г. — 6 номеров). Тематическое деление включало от 2 до 6 страниц материалов политического характера, от 1 до 5 страниц с антисектантскими статьями. В каждом номере одна страница была посвящена юмору, рекламе, художественному творчеству и др. В двух номерах материалов по сектантству не было (№ 3–4, 5–6, 1999 г.). Наличие большого политического блока объясняется тем, что сектантство представителями «ОЗОН» интерпретировалось в качестве производной политических процессов, а решение проблемы сект виделось в сфере политики. Антисектантская деятельность объединения «ОЗОН» проводилась в контексте леворадикальных, коммунистических идей, которые подробно освещались в политической части. За пять лет в газете было опубликовано 193 антисектантские статьи. Других антисектантских СМИ в Республике Беларусь в означенный период не издавалось, то есть в исследование вошла генеральная совокупность статей из специализированной антисектантской прессы Республики Беларусь 1996–2000 гг. Полная подшивка газеты доступна в Национальной библиотеке Республики Беларусь и в архиве автора.

Неспециализированные печатные СМИ

Генеральная совокупность антисектантских статей неспециализированной прессы Республики Беларусь для того же периода 1996–2000 гг. неизвестна. Предварительный анализ показал, что такие статьи неравномерно распределены среди СМИ, различающихся по территории распространения, тиражу, формату, объему, периодичности издания, форме собственности и регистрации, политической направленности и др. В силу этого *отбор статей для анализа из группы неспециализированных СМИ производился методом доступной выборки*. В результате в выборочную совокупность вошли 328 антисектантских статей из 56 газет, издающихся на территории Республики Беларусь⁴.

---

⁴ «7 дней», «АлВит», «Аргументы и факты в Белоруссии», «Беларускі час», «Беларусь сегодня», «Белоруссия», «БелГазета», «Белорусская военная газета», «Белорусская газета», «Белорусская деловая газета», «Бобруйский курьер», «Брестский курьер», «Вестник Могилева», «Вечерний Минск», «Вечерний Могилев», «Вицебскі рабочы», «Гаспадыня», «Голос Фандока», «Гомельская правда», «Гродзенская праўда», «Де-факто», «Днепровская неделя», «Жодзінскія навiны», «Заря», «Звезда», «Знамя Юности», «Зніч», «Івацэвіцкі Веснік» «Имя», «Комсомольская правда в Беларуси», «Культура», «Літаратура і мастацтва», «Мінская праўда», «Минский Меридиан», «Могилевская правда», «Магілёўскія ведамасці», «Мы и время», «Народная воля», «Народная газета», «Народная трибуна», «Народное слово», «Настаўніцкая газета», «Наш край», «Новы дзень», «Переходный возраст», «Рэспубліка», «Свободные новости», «Славянский набат», «Современное слово», «Столица», «Столичная», «Товариш», «Центральная газета», «Частная собственность», «Чырвоная змена», «Экспресс-новости».

Среди них 25 республиканских и 31 региональная газета (11 областных, 5 районных и 15 городских). В выборку не включены статьи из религиозных изданий (газеты «Церковное слово», «Каталіцкі веснік» и др.), которые могли оказать негативное влияние на результаты анализа.

Анализ статей производился методом стандартизованного опроса текста разработанного Центром социологических и политических исследований БГУ под руководством Д.Г. Ротмана [3]. Предпочтение данного метода классическому контент-анализу вызвано невозможностью предварительного выделения единиц анализа, диапазон вариативности которых сам по себе является предметом исследования, обладает не меньшим значением, чем частотность их использования. Бланк опроса текста включал ряд вопросов, среди которых были следующие:

а) Какие группы в тексте статьи идентифицируются в качестве НРД?

б) Какая терминология используется в процессе идентификации религиозных групп в качестве НРД?

в) Какая терминология используется для обозначения нетрадиционных религиозных сообществ?

Разделение второго и третьего вопросов обусловлено тем, что специальная терминология может использоваться без упоминаний конкретных НРД. Полученные результаты анализировались в контексте данных предшествующих исследований автором специфики структурных и содержательных характеристик нетрадиционной религиозности Республики Беларусь.

Средний объем каждой статьи в неспециализированной прессе оказался предсказуемо меньше, чем в антисектантском СМИ. Общий объем 328 статей неспециализированных СМИ составил 129,8 газетной страницы формата А3, то есть в среднем 0,4 страницы на один материал. Общий объем 193 статей в газете «Личность» — 124,3 страницы того же формата, то есть в среднем 0,6 страницы на одну статью.

Идентификация НРД

Наиболее значимыми показателями реакции любого института общества на феномен нетрадиционной религиозности являются количество и диапазон вариативности идентифицированных его представителями НРД. Под идентификацией НРД понимается процесс установления совпадения характеристик религиозной организации с одной из форм организации нетрадиционной религиозности. В каждом акте идентификации присутствуют следующие элементы: а) субъект процесса идентификации НРД; б) критерии отнесения группы к числу НРД; в) материалы о каких-то организации, сообществе или явлении. Элементы объединены процессом, в границах которого субъект идентификации устанавливает соответствие материалов о какой-то организации собственным критериям отнесения групп к числу НРД. Весь процесс может протекать

с опорой на разные термины (например, «секта»), а процедура идентификации НРД предшествует любой реакции на них. Чтобы позитивно, нейтрально либо негативно высказаться или написать о конкретном НРД, религиозная группа должна быть перед этим идентифицирована в качестве НРД. Идентифицируя НРД, одни и те же институты общества могут транслировать как унифицированное отношение к ним, так и широкий диапазон самых разных оценок. Так, антикультовое движение, органы государственного управления и научно-исследовательские институты в равной степени являются субъектами идентификации НРД. Но если в первом случае этот процесс предваряет антисектантский дискурс и негативное отношение к НРД, то госорганы более свободны в содержании своих реакций и периодически оценивают НРД негативно, нейтрально и даже позитивно. Идентификация НРД учеными предшествует оценочно нейтральным научным исследованиям НРД, то есть, как и в случае с антикультовым движением, предполагает унифицированное отношение к НРД, хотя и с совершенно иными выводами и оценками. Категориально-понятийный аппарат, а также совокупность теорий и интерпретаций феномена, критерии отнесения каких-либо групп к числу НРД у них различаются, но сама структура процесса одинакова.

Независимо от общего количества действующих в стране НРД, общественные акторы замечают и распознают в качестве НРД не их генеральную совокупность, но лишь одну из множества возможных конфигураций. Последняя формируется под влиянием характеристик актора, причин, побудивших его обратить внимание на тему НРД, а также ряда иных факторов. Так, органы госуправления стараются сделать конфессиональное пространство страны законопослушным, управляемым, контролируемым и безопасным. СМИ интересуются повышением рейтингов и тиражей за счет специфики темы НРД. Традиционные религии заботятся о сохранении своей паствы и предотвращении влияния на нее НРД и т. д.

Получающиеся конфигурации идентифицированных НРД включают разное количество организаций, обладающих уникальным набором структурных и содержательных характеристик, отражающих специфику интенционального внимания к теме НРД конкретного актора. Такие конфигурации не являются репрезентативными, но их специфика важна, так как общественные акторы реагируют не на НРД во всем их многообразии, а на свои представления об их количестве и характеристиках. Основой сравнительного анализа представлений разных акторов о феномене НРД должны быть:

- а) сопоставление конфигураций идентифицированных НРД;
- б) анализ частотности упоминаний идентифицированных НРД;
- в) выявление фундаментальных разногласий в категориально-понятийном и терминологическом аппарате акторов.

Все три темы были рассмотрены в рамках настоящего исследования. Несомненно, научный анализ антисектантского дискурса не может ограничиваться данными темами, он выходит далеко за их границы.

Анализ статей позволил выявить конфигурации НРД, идентифицированных неспециализированными печатными СМИ (далее — актор № 1) и газетой «Личность» (далее — актор № 2). Актором № 1 упоминались 115 разных НРД, а их названия встречаются 1000 раз. Актором № 2 упоминались 125 НРД с 585 указаниями названий. Некоторые НРД у обоих акторов повторялись. Всего акторами упоминались 165 *разных* НРД:

- а) 40 НРД упоминались только актором № 1;
- б) 50 НРД — только актором № 2;
- в) 75 НРД — обоими акторами одновременно.

Данный результат позволяет сделать предварительные выводы. Во-первых, СМИ антикультового движения чаще, чем неспециализированная пресса, идентифицируют какие-либо религиозные организации в качестве НРД. Во-вторых, расхождения в идентификации НРД у акторов фиксируются на уровне 54,5%, то есть несколько превышают их согласие по отдельным группам.

Анализ частотности упоминаний идентифицированных НРД в разных статьях позволил существенно уточнить данный результат. 40 НРД, встречавшихся только у актора № 1, упоминались всего 61 раз, то есть в среднем 1,5 раза на НРД. В то же время остальные 75 НРД — 939 раз, что составляет 12,5 раза на НРД. Аналогичным образом 50 НРД актора № 2 идентифицировались 75 раз (в среднем также 1,5 раза на НРД). Оставшиеся 75 НРД — 510 раз, то есть в среднем 6,8 раза на НРД. В общем зачете 90 уникальных для обоих акторов НРД, составляющих 54,5% от всех идентифицированных групп, упоминались лишь на уровне 8,6%. 75 общих для авторов НРД упоминались на уровне 91,4%.

Далее было выявлено, что из 165 НРД только 121 имеет представительства в Республике Беларусь, а 44 НРД никогда не имели филиалов в стране, а многие на момент их упоминания уже не существовали нигде в мире (например, «Народный храм», «Небесные врата» и др.). При этом оба актора в равной степени обращались к примерам из отсутствующих в стране НРД (актор № 1 — из 32 НРД, актор № 2 — из 26 НРД). В результате из действовавших в стране актор № 1 упоминает 83 НРД, а актор № 2 — 99. Из них 22 НРД упоминались только актором № 1, 38 НРД — только актором № 2 и 61 НРД — обоими акторами. Упоминание отсутствующих в стране НРД — весьма распространенное явление, которое имеет две основные причины: а) актор не знает о том, что упоминаемая им группа никогда не действовала в стране; б) актор приводит примеры из деятельности НРД в других странах.

Анализ структурных характеристик упоминаемых НРД показал следующий результат. В группе НРД, упоминаемых обоими акторами, доминируют с отрывом в 3,7 раза (59 групп) высокоструктурированные секты и культы, обладающие развитыми вероучением, структурой и институтом постоянного членства. В группе НРД, упоминаемых только одним из акторов, лидируют также высокоструктурированные НРД, но с гораздо меньшим отрывом (в 1,2 раза). Слабоструктурированные клиентурные и аудиторные культы, имеющие неразвитые учение и структуру, а также институт временного членства, представлены на уровне 41 группы. Данный результат ожидаем, так как наиболее крупные НРД привлекают больше внимания, чем средне- и слабоструктурированные религиозные сообщества. В целом он отражает распространенное в общественном дискурсе искажение в восприятии феномена нетрадиционной религиозности, состоящее в представлении о том, что высокоразвитые НРД доминируют в среде нетрадиционных религиозных сообществ. При этом в общем объеме предполагаемой генеральной совокупности НРД страны высокоструктурированные секты и культы стабильно уступают клиентурным и аудиторным культурам. Так, на 1 января 2021 г. в Республике Беларусь документально зафиксирована деятельность 174 сект и культов, 412 клиентурных и 483 аудиторных культов. Доминирование слабоструктурированных НРД среди групп, упоминаемых только актором № 2 (28 НРД против 22), также объяснимо. Журналистам проще находить материалы по крупным НРД, чем по малым организациям, которые в большей степени заметны для тех, кто специализируется на данной теме.

Автором статьи не давалась оценка степени обоснованности идентификации акторами религиозных организаций к числу НРД.

Терминологический аппарат

В процессе идентификации НРД акторы использовали 114 специальных терминов. 38 из них встречаются у обоих акторов одновременно⁵. 69 терминов, в том числе 31 оригинальный, использовались

---

⁵ *Термины, использовавшиеся обоими акторами:* деструктивная организация; деструктивная религиозная организация; деструктивная секта; деструктивный культ; деструктивный неокульт; ересь; культ; лжеучение; неокульт; неокультовое объединение; неомистическая секта; неомистический культ; нетрадиционная религия; нетрадиционная секта; нетрадиционный культ; нетрадиционный религиозный культ; новая религиозная организация; новая религия; новая секта; новое религиозное движение; новое религиозное течение; новый культ; псевдорелигиозная организация; псевдорелигиозное течение; псевдорелигиозность; псевдорелигиозный культ; псевдорелигия; психокульт; секта; сектантская организация; сектантское движение; сектантское течение; сектантство; сектомания; сектомафия; сектоподобное общество; тоталитарная секта; тоталитарный культ.

актором № 1⁶. 83 термина, в том числе 45 оригинальных, встречаются у актора № 2⁷. Таким образом, был выявлен достаточно широкий диапазон вариативности терминов при их совпадении на уровне 33,3%. Однако 38 общих терминов оказались наиболее часто употребляемыми, объединяющими обоих акторов в большей степени, чем совокупность из 76 терминов, их разделяющих. Они использовались в 89,7% статей актора № 1 и в 84,4% статей актора № 2. В общем зачете их доля составила 87,6%. К «терминологическому ядру» этой группы можно отнести 6 терминов, упоминавшихся не менее чем в 10 разных статьях каждого актора. Их вес в общем зачете составил 64,8%: «секта» (313 статей), «тоталитарная секта» (74), «деструктивная секта» (73), «культ» (52), «деструктивный культ» (34), «сектантство» (32). Остальные термины непропорционально часто использовались одним из акторов (например, «неокульт» — в 4 статьях у актора № 1 и в 23 — у актора № 2)

⁶ Термины, использовавшиеся только актором № 1: деструктивная группа; деструктивная религиозная секта; деструктивная религия; деструктивная тоталитарная секта; деструктивное религиозное объединение; деструктивное учение; еретическое лжеучение; культовая группа; неокультизм; неомистическая культовая организация; неорелигиозная секта; неорелигиозное течение; неорелигия; нетрадиционная духовность; нетрадиционная религиозность; нетрадиционное вероучение; нетрадиционное религиозное движение; нетрадиционное религиозное объединение; нетрадиционное религиозное течение; нетрадиционное сектантское течение; нетрадиционное течение; новая религиозная секта; новое религиозное направление; новое религиозное объединение; псевдорелигиозная деструктивная группа; псевдорелигиозная секта; псевдорелигиозный неокульт; религия нового века; сектантская среда; церковь-секта; чужеродный религиозный культ.

⁷ Термины, использовавшиеся только актором № 2: деструктивная культовая организация; деструктивная псевдорелигиозная секта; деструктивная религиозность; деструктивное сектантское движение; деструктивное сектантство; деструктивный нетрадиционный культ; деструктивный религиозный культ; изуверская секта; культовое новообразование; культовое новообразование тоталитарного типа; лжерелигия; неокультовое образование; неомистическая организация; неомистическая секта; неправославная конфессия; нетрадиционная конфессия; нетрадиционная религиозная организация; нетрадиционное религиозное верование; новая вера; новая духовная структура; новая церковь; новое вероучение; новое религиозное образование; новый духовный путь; новый нетрадиционный культ; организация деструктивного характера; организация псевдорелигиозного толка; псевдодуховное течение; псевдорелигиозная структура; псевдорелигиозное движение; псевдорелигиозное мировоззрение; псевдорелигиозное объединение; псевдорелигиозное учение; религиозное сектантство; религиозный культ; сектантская группа; сектантская деструктивная организация; сектантская тоталитарная организация; сектантское собрание; сектантское формирование; так называемая секта; тоталитарная группировка; тоталитарная организация; тоталитарная преступная секта; тоталитарный религиозный культ.

либо встречались всего в 1 статье у каждого актора (например, «неомистический культ»). Такие диспропорции по отдельным терминам отражают специфику понятийного аппарата акторов, но их подробный анализ выходит за рамки настоящего исследования.

Все 114 терминов обладают в статьях выборки ярко выраженными негативными смысловыми оттенками. Однако их углубленный анализ показал, что для большинства из них негативная смысловая нагрузка обусловлена антисектантским контекстом. При этом актором № 1 использовался 31 термин, обладающий негативными коннотациями вне зависимости от места их употребления (например, «деструктивная секта»). У актора № 2 на 11 терминов этой группы больше (42). Несмотря на количественное преобладание изначально негативно перегруженных терминов в статьях актора № 2, частота обращения к ним в разных материалах сопоставима для обоих акторов с небольшим перевесом в сторону актора № 1: 38,9% против 35%. Иначе говоря, вариативность негативной терминологии актора № 2 нивелируется частотой обращения к ней в сравнении с иными терминами. 10 терминов актора № 1 и 11 актора № 2 в основной массе случаев их использования вне антисектантского дискурса обладают нейтральной, а иногда и позитивной смысловой нагрузкой (например, «новая религия»). Оставшиеся 28 терминов актора № 1 и 30 актора № 2 в наибольшей степени в зависимости от контекста могут получать как негативное, так и нейтральное наполнение (например, «секта»). Таким образом, оба актора активно заимствовали нейтральную терминологию из научного и иных дискурсов и при использовании в антисектантском дискурсе связывали с ней негативно нагруженные понятия. Например, нейтральный термин «секта» как школа, учение и/или религиозная группа, образовавшаяся в результате откола от иной религиозной организации, в антисектантском дискурсе акторов получал значение деструктивной организации, разрушительно влияющей на человека и общество. Аналогичную трансформацию претерпели все остальные термины. При этом анализ содержания понятий, связываемых с терминами, которые заимствованы из других сред и контекстов, не выявил существенных различий между акторами: нейтральные значения в абсолютном большинстве случаев замещались негативными, подчеркивающими вредоносность и опасность феномена НРД.

Антикультовое движение и печатные СМИ

Полученные результаты подтвердили одни предположения автора и опровергли другие. Ожидаемыми были серьезные расхождения в списках идентифицированных акторами НРД (54,5%) и в оригинальной для них терминологии (66,7%). Неожиданным оказался высокий уровень частотности: а) упоминаний общих для акторов НРД (91,4%); б) использования общих терминов (87,6%). В исследовании было доказано, что неспециализированные печатные СМИ и специализированные СМИ антикультового движения в Республике Беларусь 1996–2000 гг. наиболее часто критикуют одни и те же НРД с опорой

на одинаковый категориально-понятийный и терминологический аппарат. Широкий диапазон расхождений сопровождается низкой частотностью их проявлений. В этом контексте расхождения отражают факт идентификации совершенно не известных широкой публике НРД, живую реакцию акторов на происходящее без поправки на популярность темы. Низкая частотность таких обращений не позволяет специфике этих НРД оказать существенное влияние на формирование образа НРД в целом, но лишь привносит некоторое разнообразие в материалы акторов. Однако данные расхождения будут особо важны в будущих исследованиях при выяснении общего количества идентифицированных НРД — основного параметра, фиксирующего изменения в объеме внимания, уделяемого всеми институтами общества проблематике НРД в любой заданный период времени. При этом учет данных по идентификации НРД всеми институтами общества неизбежно приведет к корректировке частотности упоминания всех вошедших в данное исследование НРД.

Исследование показало, что сходство антисектантского дискурса акторов не является внешним, но имеет серьезное основание. Более того, высокий уровень частотности упоминаний общих для акторов НРД и терминов в большей степени, чем иные работы, свидетельствует в пользу доминирующей в науке концепции одностороннего влияния антикультурной школы на независимую прессу. Несмотря на это, данная концепция представляется автору недостаточно убедительной, а результаты исследования могут быть проинтерпретированы иначе. Антисектантский дискурс не сводится к какому-то одному источнику, он генерируется разными акторами в виде реакции на проявления нетрадиционной религиозности в конкретный период времени. Органы государственного управления, традиционные религии, общественные и правозащитные организации и другие акторы на разных этапах своей деятельности обращаются к публичной критике НРД. Нетрадиционная религиозность во всем многообразии своих форм является объектом самых разных реакций со стороны общества, в том числе активной критики. Следы антисектантского дискурса уходят своими корнями в глубокую древность. По крайней мере с начала нашей эры с неизменной регулярностью воспроизводятся обвинения в криминале в среде НРД, в низком уровне морали и нравственности их лидеров и членов, в непристойных сексуальных практиках, коммерческой подоснове их начинаний. Высмеиваются и критикуются их учения и искажения ими фактов истории и науки, встречаются оскорбления в их адрес, а также призывы к государству и обществу «поставить негодяев на место». В процессе исторического развития меняются конфигурации критикуемых НРД, корректируется понятийный аппарат, уточняется аргументация опасности НРД.

Однако если антисектантский дискурс является константой общественной реакции на феномен нетрадиционной религиозности, то антикультурное движение — производная от периодов аномально высокого

общественного интереса к теме НРД. Антикультовое движение является организованной деятельностью, направленной на критику НРД и борьбу с ними на постоянной основе. Оно представлено независимыми и интегрированными в органы государственного управления и другие институты общества организациями и структурами. В современном обществе антикультовое движение сформировалось в странах Запада в 1970-х гг. в виде реакции на активизацию внимания к проблематике нетрадиционной религиозности. В результате в одних странах оно развилось до нескольких сотен различных организаций и инициатив (например, США, Германия), в других — лишь до уровня нескольких групп (например, Испания, Португалия). Являясь одним из множества субъектов антисектантского дискурса, антикультовое движение может развиваться до центральных позиций в его границах (исключительно редкие случаи) либо оставаться на уровне полупериферии и периферии (наиболее часто). Даже в странах наибольшего присутствия антикультовое движение не охватывает весь спектр антисектантских инициатив общества: значительная часть противосектантских мероприятий, информационных кампаний и материалов генерируются без ведома его представителей. Это же касается совокупности нейтральных и иных реакций на НРД, которые выходят далеко за рамки работы профессиональных ученых, специализирующихся на теме НРД. Основная методологическая проблема в исследовании антисектантского дискурса состоит в документальной фиксации сложно обозримого многообразия его проявлений. Крайне редко ученому заранее известно, кто, в каком месте, на какой информационной площадке, на протяжении какого периода времени, с опорой на какие материалы, с каким охватом аудитории и эффектом будет обращаться к теме НРД. Информация о множестве таких временных локальных антисектантских инициатив приходит с опозданием, а сколько-нибудь репрезентативная выборка из них предполагает десятилетия мониторинга и скрупулезной фиксации данных. В результате антисектантские материалы СМИ и антикультовое движение представляются самыми заметными и легкодоступными для исследователей объектами анализа. Создается иллюзия, что они же являются единственными и оказывающими особое влияние друг на друга носителями этого дискурса. Первое неверно, а второе все еще требует доказательства.

Печатные СМИ — один из множества акторов, постоянно поддерживающих антисектантский дискурс на плаву, то есть в том числе *до появления антикультового движения на современном этапе*. Критические материалы против нетрадиционной религиозности встречаются не просто в первых газетах XVII в., но уже на уровне их предшественников — «памфлетов» и «балладных новостей» XVI в. [8; 9]. Постоянство обращения к проблематике НРД характерно для института СМИ в целом, но не для его отдельных представителей. В зависимости от размера страны тема НРД ежемесячно, еженедельно, а порой и ежедневно в разных объемах и формате всплывает в *разных* СМИ, каждое из которых в отдельности обращается к ней не столь часто. При этом нет оснований считать, что

до появления антикультовой школы печатные СМИ в меньшей степени искажали информацию об НРД либо реже поднимали обозначенную проблематику. Более того, можно предположить, что активное внимание к теме НРД, в том числе со стороны СМИ, стало одним из факторов появления антикультового движения на современном этапе.

Рассмотрение вопроса в более широком контексте показывает, что, в отличие от антикультового движения, тема НРД для СМИ не является приоритетной и не сводится к критике НРД. Печатные СМИ рекламируют НРД в несколько раз чаще, чем критикуют [1]. Пресса является наглядным примером того, что причастность актора к антисектантскому дискурсу не исключает одновременной поддержки им же НРД, в том числе являющихся объектами его же критики. Если оценивать прессу по степени присутствия в ней не только критических, но и *разных* материалов об НРД, то более обоснованным будет представляться заключение о серьезном влиянии самих НРД на СМИ. НРД доказуемо чаще выходят на прямой контакт со СМИ, и этот контакт в абсолютном большинстве случаев приводит к их рекламе, за которую пресса получает законную плату. В то же время антикультовое движение и журналисты не имеют никаких непосредственных выгод от совместной подготовки антисектантских СМИ, а долгосрочный эффект от повышения рейтинга и тиража может быть достигнут и за счет материалов по иным темам. Наличие в прессе большого объема просектантских материалов замечается представителями антикультового движения и является одной из причин дифференцированного отношения его представителей к СМИ. Стремление одних сектоведов любой ценой повлиять на СМИ соседствует с уходом значительной их части от контактов с прессой. Здесь кроется еще одна методологическая проблема фиксации необходимых данных. Дело в том, что специалистам хорошо заметны факты совместной подготовки журналистами и сектоведами статей против НРД: прямой ссылки на сектоведа в статье для установления такого факта вполне достаточно. Однако есть немало и менее заметных случаев как отказа сектоведов от работы с журналистами, так и отказа последних от подготовки материала по НРД после встречи с сектоведом. Мнение сектоведа также может быть проигнорировано журналистом. Во всех случаях эта ситуация не оставляет доступных для анализа следов в материалах СМИ.

Совокупность приведенных замечаний с поправкой на выявленную однородность антисектантского дискурса прессы и специализированных СМИ антикультового движения в дополнение к предложенной учеными ранее версии может также свидетельствовать:

- а) о влиянии СМИ на антикультовое движение;
- б) о взаимном влиянии СМИ и антикультового движения;
- в) о существовании иных акторов, влияющих на СМИ и антикультовое движение одновременно;
- г) о самостоятельном развитии однородного дискурса у разных акторов под влиянием конкретной ситуации с НРД в стране в заданный период времени;

д) о комплексном генезисе и развитии антисектантского дискурса, при котором на него в разной степени на разных этапах оказывают одновременное влияние факторы, приведенные в пунктах б), в) и г).

Последний вариант представляется наиболее вероятным, но и требующим проведения ряда дополнительных исследований.

Настоящее исследование выявило однородность антисектантского дискурса неспециализированных печатных СМИ и специализированной прессы антикультового движения Республики Беларусь для периода 1996–2000 гг. по двум ключевым параметрам: а) по конфигурации идентифицированных НРД; б) по специализированному понятийному аппарату. Установлено, что диапазон их расхождений по этим же параметрам имеет второстепенное значение, так как нивелируется низкой частотностью их проявлений. Дальнейшему исследованию подлежат прочие параметры дискурса обоих акторов. Полученные результаты не опровергают, но и не подтверждают концепцию влияния антикультового движения на печатные СМИ. Однако поправка на историю СМИ и антикультового движения позволяет выдвинуть альтернативную гипотезу генезиса и развития антисектантского дискурса означенных акторов. Для дальнейшего анализа данной проблематики принципиальное значение имеет выявление всех наиболее значимых акторов, способствующих генерированию и поддержанию на плаву антисектантского дискурса в обществе с учетом диахронической перспективы. Сравнительный анализ их материалов, в том числе с учетом данных, полученных в настоящем исследовании, позволит вновь вернуться к вопросу о месте и роли неспециализированных СМИ и антикультовой школы в границах антисектантского дискурса, а также в контексте всей совокупности реакций общества на процесс дифференциации религиозного пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мартиневич В.А.* Реклама новых религиозных движений в печатных СМИ // Журнал БГУ. Социология. 2019. № 3. С. 17–24.
2. *Перссон Б.* Борьба против сект / [Пер. со швед. А. Курочкина]. М.: Шведский совет по межрелигиозному миру, 2012. — 190 с.
3. *Ротман Д.Г.* Новые подходы к сбору и анализу информации (из опыта полевых исследований) // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 145–149.
4. *Сурдин В.Г.* Наука и сенсация // Бюллетень «В защиту науки». 2009. Том 5. С. 126–145.
5. *Arweck E.* Researching new religious movements. Responses and redefinitions. London & New York: Routledge, 2006. — 389 p.
6. *Beckford J.A.* The mass media and new religious movements // New Religious Movements. Challenge and Response / Ed. by B. Wilson and J. Cresswell. London & New York: Routledge, 1999. P. 103–119. DOI: 10.4324/9780203129166-17

7. *Ekeanyanwu N.T., Igbinoba A.* The Media and Cultism in Nigerian Higher Institutions of Learning // International Journal of communication. 2007. Vol. 6. P. 370–388.
8. *Esdaile A.* Autolycus` Pack: The Ballad Journalism of the Sixteenth Century // Highlights in the History of the American Press / Ed. by E.H. Ford, E. Emery. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1954. P. 6–24.
9. *Gaskill M.* Fear Made Flesh: The English Witch-Panic of 1645–1647 // Moral Panics, the Media and the Law in Early Modern England / Ed. by D. Lemmings, C. Walker. New York: Palgrave Macmillan, 2009. P. 78–96. DOI: 10.1057/9780230274679_5
10. *Müller U.* Desinformation und Gerücht. Zur Produktion eines Okkultismus durch die Medien // Okkultismus: ein gesellschaftliches Problem? / Hrsg.: U. Müller, R.-D. Mucha. Regensburg: Almanach-Verlag, 1989. S. 101–130.
11. *Richardson J.T., van Driel B.* Journalist's attitudes toward new religious movements // Review of Religious Research. 1997. Vol. 39:2. P. 116–136. DOI: 10.2307/3512177
12. *Scheffler A.C.* “Jugendsekten” in Deutschland. Öffentliche Meinung und Wirklichkeit. Eine religionswissenschaftliche Untersuchung. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1989. — 229 S.
13. *Sherwood C.* Inquisition. The Persecution and Prosecution of the Reverend Sun Myung Moon. Washington: Regnery Gateway, 1991. — 705 p. DOI: 10.1093/jcs/35.1.164
14. *Wright S.A.* Media Coverage of Unconventional Religion: Any “Good News” for Minority Faiths? // Review of Religious Research. 1997. Vol. 39:2. P. 101–115. DOI: 10.2307/3512176

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мартинович Владимир Александрович — доктор теологии Венского университета, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой апологетики, Минская духовная академия.

Телефон: +375-17-355-83-67. **Электронная почта:** nrm2@yandex.ru

Дата поступления: 14.03.2021.

SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2021.

VOL. 27. No. 2. P. 109–125. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8089

VLADIMIR A. MARTINOVICH¹

¹ Minsk theological academy.

27, Zybizkaja str. 220030, Minsk, Republic of Belarus.

THE ANTI-CULT DISCOURSE OF PRINT MEDIA:

PROBLEMATIZATION OF THE ROLE OF THE ANTI-CULT MOVEMENT

Abstract. This article is devoted to analyzing the anti-cult discourse in the Republic of Belarus in 1996–2000. The print media and the anti-cult movement are selected as objects of research because of their significant role in this discourse. The main features when it

comes to covering the topic of new religious movements by both actors are investigated by method of standardized survey of texts on a sample of 521 anti-cult articles from 57 Belarusian newspapers. The range of variability of religious organizations identified as new religious movements is revealed, and their distribution by type of structure is analyzed. The results are compared to the estimated population universe of new religions of the Republic of Belarus. The frequency of their mentions is established, as well as a group of organizations that are criticized by actors, but have never operated in the country. The range of variability and frequency of use of special terminology is disclosed. The influence of the anti-cult discourse on changes in the evaluative connotations of special terms is analyzed. Different facts from the history and modern practice of the anti-cult movement are examined, all of which are particularly important in terms of understanding the specifics of its representatives' attitudes towards non-specialized print media. The ambivalent nature of the coverage of the topic of new religions in the press and its influence on the anti-cult movement is noted. Special care is taken defining the place and role of print media and the anti-cult movement in the complex system of society's anti-cult discourse. Based on the data obtained, the dominant theory of the unilateral influence of the anti-cult movement on print media is criticized. An alternative hypothesis on the complex genesis of anti-cult discourse is proposed, in which the specifics of its main features as perceived by each subject are influenced by many different factors. Two methodological problems related to searching for and recording materials relevant for analyzing this discourse and verifying this theory are identified.

Keywords: new religious movements; media; anti-cult movement; anti-cult discourse; identification of new religious movements.

For citation: Martinovich, V.A. The Anti-Cult Discourse of Print Media: Problematization of the Role of the Anti-Cult Movement. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2021. Vol. 27. No. 2. P. 109–125. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8089

REFERENCES

1. Martinovich V.A. Advertising of new religious movements in printed media. *Zhurnal BGU. Sotsiologiya*. 2019. No. 3. P. 17–24.
2. Persson B. Fighting against sects. [Russ. ed.: *Bor'ba protiv sekt*. Transl. from Swed. by A. Kurochkin. Moscow: Swedish Interreligious Peace Council publ., 2012. 190 p.]
3. Rotman D.G. New approaches to the collection and analysis of information (from the experience of field research). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015. No. 5. P. 145–149.
4. Surdin V.G. Science and sensation. *Byulleten' "V zashchitu nauki"*. 2009. Vol. 5. P. 126–145.
5. Arweck E. *Researching new religious movements. Responses and redefinitions*. L., N.Y.: Routledge, 2006. 389 p.
6. Beckford J.A. The mass media and new religious movements. *New Religious Movements. Challenge and Response*. Ed. by B. Wilson and J. Cresswell. L., N.Y.: Routledge, 1999. P. 103–119. DOI: 10.4324/9780203129166-17
7. Ekeanyanwu N.T., Igbino A. The Media and Cultism in Nigerian Higher Institutions of Learning. *International Journal of communication*. 2007. Vol. 6. P. 370–388.
8. Esdaile A. Autolykus' Pack: The Ballad Journalism of the Sixteenth Century. *Highlights in the History of the American Press*. Ed. by E.H. Ford, E. Emery. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1954. P. 6–24.
9. Gaskill M. Fear Made Flesh: The English Witch-Panic of 1645–1647. *Moral Panics, the Media and the Law in Early Modern England*. Ed. by D. Lemmings, C. Walker. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009. P. 78–96. DOI: 10.1057/9780230274679_5

10. Müller U. Desinformation und Gerücht. Zur Produktion eines Okkultismus durch die Medien. *Okkultismus: ein gesellschaftliches Problem?* Hrsg.: U. Müller, R.-D. Mucha. Regensburg: Almanach-Verlag, 1989. S. 101–130.
11. Richardson J.T., van Driel B. Journalist's attitudes toward new religious movements. *Review of Religious Research*. 1997. Vol. 39:2. P. 116–136. DOI: 10.2307/3512177
12. Scheffler A.C. "Jugendsekten" in Deutschland. *Öffentliche Meinung und Wirklichkeit. Eine religionswissenschaftliche Untersuchung*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1989. 229 S.
13. Sherwood C. *Inquisition. The Persecution and Prosecution of the Reverend Sun Myung Moon*. Washington: Regnery Gateway, 1991. 705 p. DOI: 10.1093/jcs/35.1.164
14. Wright S.A. Media Coverage of Unconventional Religion: Any "Good News" for Minority Faiths? *Review of Religious Research*. 1997. Vol. 39:2. P. 101–115. DOI: 10.2307/3512176

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Martinovich — Doctor of theology (Vienna University), Candidate of Sociological Sciences, Head of the apologetics department, Minsk theological academy.
Phone: +375-17-355-83-67. **E-mail:** nrm2@yandex.ru

Received: 14.03.2021.
